

:

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	91
page range	238-259
year	2010-04-30
URL	http://doi.org/10.15021/00001055

замена отдельных элементов и целых слоев языковой культуры тувинцев на монголо-казахско-китаеязычный эквивалент.

Однако избежать такого хода событий можно, на наш взгляд, если целенаправленно способствовать распространению этнически значимой информации с помощью печати, радио, телевидения, национальной литературы и изданий на тувинском языке, а также введения тувинского языка и литературы в школьную программу, что уже начали осуществлять монгольские (цэнгэльскийкие) тувинцы. Насколько этот процесс будет успешным, покажет время.

3. Изменения в материальной культуре

Наряду с этноязыковыми процессами изменения в материальной и духовной культуре этноса или его групп являются неотъемлемой составляющей этнических процессов в целом. Значение материальной культуры для этноса как самовоспроизводящейся системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении его жизненных потребностей. Не менее важно и то, что наиболее значимые элементы материальной культуры, такие, как жилище и пища, при всех прочих условиях относительно более устойчивы к внешним воздействиям и изменениям социально-экономических условий, нежели некоторые другие элементы материальной (одежда, средства передвижения) и, особенно, духовной культуры.

Для данного исследования изменения в материальной культуре зарубежных тувинцев представляют особый интерес постольку, поскольку с модернизацией культурно-бытовых структур и элементов многие из них исчезают, тогда как отдельные элементы материальной культуры берут на себя функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде.

Основные занятия

Основные занятия любого народа теснейшим образом связаны с традиционным хозяйственно-культурным типом. В этнографической науке под хозяйственно-культурным типом понимают «определенные комплексы особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у различных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных естественно-географических условиях» (Чебоксаров, Чебоксарова 1985:177).

Места проживания тувинцев Монголии и Китая по своим физико-географическим и экологическим особенностям мало чем отличаются от Тувы. Они почти со всех сторон опоясаны горными хребтами, которые

практически не пропускают на их территории насыщенные влагой воздушные течения извне. По ландшафту они очень близки к Восточной Сибири, чем обусловлен и их резко континентальный климат. Для этих зон характерны открытые пространства, где отсутствуют возможности для искусственного орошения, но зато имеются обильные разнотравьем пастбища. Здесь такие же, как в Туве, суровые зимы с резкими ветрами и жаркое лето с небольшим количеством выпадаемых осадков. В этих природно-климатических и ландшафтных условиях исторически сложился наиболее рациональный во всех отношениях хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников.

В настоящее время учеными выявлено несколько локальных вариантов типа кочевников-скотоводов, причем ареалы их чрезвычайно обширны. Достаточно назвать лишь самые основные из них: центрально-азиатский, среднеазиатский, переднеазиатский, аравийско-африканский, южно-африканский и т.д. Каждый вариант в свою очередь имеет свои специфические особенности. Для центрально- и среднеазиатских кочевников, например, характерно преобладание в поголовье домашних животных лошадей и овец, а также распространение войлочных юрт в качестве основного жилища (там же:208). К этим типам в свое время относились многочисленные тюркоязычные и монгольязычные народы древности и средневековья.

По степени подвижности ученые выделяют кочевые, полукочевые и полuosедлые хозяйства (Андрианов 1985:169). К кочевым они относят группы, состоящие из 1-2 семей, которые в течение года передвигаются со скотом по сезонным пастбищам, меняя стойбища не менее 4-6 раз в году, при этом не задерживаясь на одном месте более 1-2 месяцев. Постоянных жилых домов эти группы на зимовках не имеют. Полукочевники имеют возможность в неблагоприятный зимне-весенний период жить 3-4 месяца в постоянных зимних жилищах. Остальное время они кочуют по пастбищам и живут в юртах. К полuosедлым хозяйствам относятся те, которые меняют свое место 2-3 раза в году и фактически живут большую часть времени года оседло. Это обычно скотоводы с крупным рогатым скотом. Они имеют постоянные жилища и хозяйственные постройки.

Применяя предложенную типологию форм подвижности неоседлого населения к тувинцам Монголии и Китая, можно отметить, что для них характерны следующие формы подвижности – кочевно-оседлая, оседло-кочевая, переменнo-оседлая и годовая оседлость с сезонной миграцией части населения. Нельзя не сказать о том, что в последнее время идет процесс изменения характера хозяйственной подвижности тувинцев в

сторону оседлости. Эта тенденция характерна почти для всех бывших кочевых этносов данного региона – монголов, казахов, киргизов, бурят, калмыков, алтайцев и др.

Кочевое скотоводство, которым эти народы занимались веками, не могло не наложить глубокий отпечаток на их культуру и быт. Однако народные революции, происшедшие в Монголии в 1921 г., а затем и в Китае в 1927 г., и последовавшие за ней длительные антифеодальные и антиимпериалистические движения, охватили целиком две страны и оказали сильное влияние на образ жизни их населения. В настоящее время подавляющее большинство бывших скотоводов-кочевников перешло к отгонно-пастбищному животноводству, которое, как считает известный монголовед В.В.Грайворонский, представляет собой не пережиток, не анахронизм, а один из важнейших элементов ныне существующей системы хозяйствования (1975:117-118). По мнению крупного исследователя неоседлых народов Б.В.Андрианова, выработанная на протяжении столетий эффективная система сезонного использования пастбищ, источников воды и минеральных солей является большим культурным достоянием кочевников Центральной Азии, которые в новых условиях уже достигли больших успехов в преобразовании, модернизации и интенсификации кочевого животноводства (1985:176).

Очевидно, здесь следует внести некоторую ясность в выбранную нами терминологию. Дело в том, что некоторые специалисты применяют термин *скотоводство* для обозначения отсталого примитивного разведения животных, а термином *животноводство* называют современное, промышленное. Одновременно большинство специалистов считает скотоводство разновидностью животноводства и связывают его с содержанием лишь стадных копытных животных. Иногда к скотоводству причисляют все виды хозяйства, обуславливающие подвижный образ жизни, основанный на выпасе стад. Мы не станем проводить резкую грань между этими двумя терминами, а будем исходить из того, что речь в принципе идет об одном и том же типе хозяйственного уклада, основанного на содержании и разведении домашних животных.

В рассматриваемых нами регионах животноводство является основной отраслью хозяйства, оно играет чрезвычайно важную экономическую роль в жизнедеятельности всех этнических групп, в том числе тувинской. Являясь основным источником доходов местного населения, животноводство также отражает уровень развития производительных сил в этих обществах.

Монгольские и китайские тувинцы были и остаются непревзойденными животноводами. В их хозяйстве до сих пор сохраняются многие

традиционные черты; формы ведения хозяйства имеют много общего с соответствующей монгольской, что подтверждает факт наличия у них общих черт в материальной культуре. Они так же, как и российские тувинцы, имеют сезонные пастбища, роль которых в животноводстве незаменима — они являются главным условием содержания скота.

Из домашних животных основную хозяйственную роль играют лошади, так как кочевание немыслимо без этих животных, издавна приспособленных человеком для верховой езды и транспортировки груза.

Помимо лошадей в большом количестве разводят крупный и мелкий рогатый скот. Особое предпочтение отдается разведению овец — животных, наиболее приспособленных к тебеневкам, т.е. зимним пастбищам, где скот находится на подножном корму. Содержание скота на подножном корму приводит к постепенному выбиванию пастбищ и к необходимости передвижения на новые места, поэтому исторически сложилось, что в традиционном хозяйственном укладе тувинцев приоритетная роль принадлежит таким видам домашних животных, которые способны к дальним переходам. О степени их распространения свидетельствует тот факт, что в начале XX в. даже считавшиеся бедными хозяйства имели как минимум лошадь или корову, а более состоятельные — три-пять голов крупного рогатого скота и несколько десятков голов овец и коз. Представители же наиболее зажиточных слоев общества владели стадами, насчитывавшими несколько тысяч голов скота.

В незначительной степени у рассматриваемых групп тувинцев развито верблюдо-, сарлыко- и оленеводство, эти направления их деятельности носят сугубо локальный характер и не имеют повсеместного распространения. Верблюдоводство, например, в основном отмечается у кобдинских тувинцев, в местах проживания которых имеются пустыни и полупустыни — наиболее подходящие условия для разведения этого вида животных. Сарлыководство развито у цэнгэльских тувинцев, живущих на границе с Монгун-Тайгинским кожууном Республики Тыва, где в условиях высокогорья традиционно сложился именно этот тип хозяйствования. Оленеводством занимаются хубсугульские тувинцы-туха (цаатаны), живущие в таежной зоне, примыкающей к Тоджинскому кожууну Тувы, где это занятие — ведущая отрасль хозяйства. Хубсугульские тувинцы вместе с живущими рядом дархатами являются единственными оленеводами на территории всей Монголии. Их оленеводство относится к саянскому типу, для которого характерно использование оленя под седло и вьюк, при этом применяются конское седло со стременами и тремя подпругами, особое детское седло и вьючное седло, при езде используется палка. Стадо оленей пасется вольно без пастушеской собаки и постоянного

присмотра пастуха. Результаты многих исследований показали, что саянский тип оленеводства, сложившийся в этом регионе, возник под влиянием коневодства тюрко-монгольских народов и потому максимально приближен к нему (Итс 1991:110; Рассадин 2000:17). Однако по своей экономической значимости верблюдо-, сарлыко- и оленеводство заметно уступают отгонно-пастбищному животноводству, в частности, из-за того, что их ареалы весьма незначительны.

Как бы велика ни была роль животноводства в жизни тувинцев, надо иметь в виду, что они нуждаются и в продуктах земледелия. Если раньше скотоводческие народы удовлетворяли потребности в продуктах земледелия путем обмена или захвата, то впоследствии это так или иначе привело к развитию самостоятельной земледельческой отрасли, хотя и в ограниченном масштабе. Поэтому в тех местах, где позволяют климатические условия, тувинцы занимаются земледелием. Это как бы подсобная отрасль их хозяйства, особенность которой – вполне конкретный набор возделываемых сельскохозяйственных культур. Основной зерновой культурой является пшеница (*кызыл-тас*), причем наиболее устойчивые ее сорта, хорошо приспособленные к хранению в условиях долгой и холодной зимы.

Помимо пшеницы, занимающей большую часть зернового клина, в сопоставимых с ней масштабах возделываются овес (*сула*) и ячмень (*арбай*). Роль овса для тувинцев весьма значительна, так как скот большую часть года находится на стойловом содержании, а одной пшеничной соломы явно недостаточно для его прокорма. Третьей по значению зерновой культурой является ячмень; он практически полностью идет на внутрисемейные нужды, связанные с приготовлением пищи, особенно *соктаан далгана* (тиб. *цампа*), столь популярного блюда в повседневном рационе питания у ряда кочевых народов.

Помимо указанных традиционных культур достаточно большое значение приобрел картофель, дающий стабильный урожай на местных почвах. Выращивают его по-разному: китайские тувинцы — на своих огородах; монгольские — на специальных площадях, отведенных под эту культуру местным руководством.

Местами тувинцы выращивают и другие овощи: арбузы, капусту, морковь, репу, свеклу, огурцы, помидоры, лук. Как сообщают информанты, в Кобдоском аймаке Монголии раньше проживало достаточно много китайцев, они выращивали там все перечисленные виды овощей и заодно приучали к этому занятию местное население. В Баян-Улэгэйском аймаке овощеводство развито в меньшей степени, здесь овощи преимущественно выращивают в теплицах, а капусту часто завозят из других аймаков и по

указанию местного руководства раздают ее поровну всем жителям, вычитая ее стоимость из их зарплаты. Тувинцы, живущие в этом аймаке, не имея привычки употреблять капусту в пищу, вплоть до недавнего времени скармливали ее своему скоту. Практически не знакомы с овощеводством и хубсугульские тувинцы, а тувинцы Синьцзяна занимаются им под влиянием земледельческих народов — китайцев и уйгуров, да и то, как мы заметили, не повсеместно.

Основными видами промыслов у зарубежных тувинцев являются охота, рыболовство и собирательство. В первобытнообщинную эпоху эти формы хозяйственной деятельности человека являлись важнейшими отраслями *присваивающего* хозяйства, которое исторически предшествовало *производящему* хозяйству.

Охота - один из наиболее древних видов деятельности тувинцев - продолжает сохраняться и по сей день. Именно занятие охотой позволило предкам тувинцев, как впрочем, и всему человечеству, перейти на новую ступень биологической эволюции. Являясь одним из видов *присваивающего* хозяйства, охота была способом добывания пищи, обеспечивающим относительную стабильность пропитания в пределах популяции. В настоящее время существуют два исторически сложившихся направления охоты — пушное и мясное, которые различаются не только объектами, но и способами их проведения. Цель пушной охоты в условиях суровой тайги – добыча соболя и белки. Их шкурки приносят основной доход. Лишь попутно и в небольших количествах добывают зайца, сурка, колонка, горностая, суслика, редко выдру, лису, рысь, росомаху. На всех пушных зверей охотятся в основном с ружьем и собакой. Луки и стрелы давно вышли из употребления. Собаки у тувинцев из породы восточносибирских лаек. По своей специализации они делятся на зверовых, соболятниц и бельчатниц. С этими же собаками добывают на промысле в разное время года не только пушных зверей, но и медведей, кабаргу, волков, архара.

Цель мясной охоты - добыча мяса как основной пищи в зимнее время. Для этого охотятся на различных крупных и мелких копытных зверей – лося, дикого кабана, косулю, марала и на птиц – глухаря, рябчика, куропатку, тетерева.

Во время промысла тувинские охотники применяют множество различных приспособлений в виде самострелов, плашек и петель. При необходимости устраивают и ловчие ямы. Как свидетельствовал наш информант, охотник со стажем Иргит Папизан (1957 г. рождения, уроженец Цэнгэла), в горной тайге имеется много таких труднодоступных мест, богатых зверем, в которых его можно добыть только с помощью этих

приспособлений.

Продукты охотничьего промысла в основном полностью утилизируются, но их значение в хозяйстве тувинцев все же незначительна. Охота сейчас не имеет жизненно важного значения, как это было раньше, и существует скорее на любительском уровне. К тому же занятие охотой и в Монголии, и в Китае требует особой лицензии и ограничивается запретом на истребление отдельных исчезающих видов животных, занесенных в Красную Книгу.

Рыболовство изначально играло не очень большую роль в жизни тувинцев, в частности, из-за отсутствия в местах их проживания обширных морских пространств. Наличие рек и озер, хотя и привело к возникновению рыболовства, но лишь в качестве дополнительного промысла. Сейчас им занимаются в основном дети или же отдельные любители этого вида промысла, который служит лишь для удовлетворения личных потребностей, тем более, что рыба традиционно не пользуется особым спросом у тувинцев. Ее считают «водяным червяком» и не рассматривают в качестве серьезного продукта питания (Курбатский 2001:59). Некоторые вообще не едят рыбу (Айыжы 2002:11). Это, очевидно, повлияло и на весьма скудный ассортимент промысловых рыб: хариус, таймень, налим. Их ловят и отправляют на продажу в Китай и Россию (Уламсуренгийн 2003:23).

Собирательство в прошлом для тувинцев имело весьма существенное значение и, по мнению некоторых исследователей, было довольно разнообразно в видовом отношении (Решетов 1990:180). Объектами собирательства являлись употребляемые в пищу дикорастущие плоды, ягоды, орехи, семена и зерна злаков и других трав, корни и корнеплоды, стебли, молодые побеги, листья, почки, цветы, мягкая сердцевина деревьев и пр. Продукты собирательства были достаточно надежными источниками пищи, поэтому этот промысел играл большую роль в жизни тувинцев. Сейчас в основном собирают ягоды, кедровые орехи, дикий лук, иногда выкапывают сарану и кандык, варят их в воде, либо сушат и едят зимой (Уламсуренгийн 2003:118). Необходимость в собирательстве как способе существования и выживания давно отпала.

В целом для хозяйства зарубежных тувинцев характерна направленность на удовлетворение своих потребностей в продуктах питания и предметах первой необходимости. Хозяйство в основном носит комплексный характер: многостороннее использование домашних животных (получение мяса, молока, масла, шерсти, кожи) в сочетании с земледелием, иногда овощеводством и совсем в незначительной степени - с охотой, рыболовством и собирательством.

В настоящее время, помимо традиционного животноводства, тувинцы заняты также в других сферах деятельности, которые свидетельствуют о зарождении у них оседлости. Часть населения по характеру своей работы уже привязана к постоянному местожительству, к аймачному или сумонному центру; в основном это учителя, врачи, инженеры, ветеринары, рабочие деревообрабатывающих артелей и артелей по обработке кожи, плотники, строители, служащие органов управления и других общественных учреждений. Молодые тувинцы, чаще всего монгольские, активно стали выезжать на учебу за рубеж: в Германию, Венгрию, Турцию, Россию и Вьетнам, где приобретают современные специальности (программирование, менеджмент, гостиничный и туристический бизнес), которые также предполагают оседлый образ жизни. Подобная тенденция по мере дальнейшего развития социально-экономических и культурно-бытовых условий жизни этнофоров будет, вне всякого сомнения, усиливаться, но при этом вряд ли произойдет полный отказ от традиционного животноводства, который в любом случае останется приоритетной отраслью их хозяйства.

Пища

Хозяйственно-культурные типы различных обществ определяют характер и состав основной пищи и способы ее получения. В быту современных народов образ питания, как отмечалось ранее, сохраняется значительно прочнее, чем другие формы материальной культуры. В то же время в пище наблюдается много заимствований, своеобразно преобразуемых каждым народом.

Что касается специфики традиционной пищи зарубежных тувинцев, то она в большей мере носит не столько этнический, сколько региональный характер, хотя и воспринимается как символ этничности. Известно, что существует много общих для центрально-азиатского региона видов пищи, которые каждый народ региона с полным правом может назвать своими, «национальными». Это объясняется прежде всего принадлежностью разных народов, говорящих на различных языках и порою исповедующих разные религии, к одному и тому же исторически сложившемуся хозяйственно-культурному типу.

Повседневная пища монгольских и китайских тувинцев свидетельствует о направлениях их хозяйственной деятельности. Она имеет много общего с пищей других скотоводческих народов, а схожесть ее с пищей российских тувинцев настолько очевидна, что нет смысла проводить какую-то грань между ними. Основу питания зарубежных тувинцев составляют мясные и молочные продукты, которые обеспечивают

организм человека животными жирами, белками и углеводами. По существу они едят только мясо, все остальное является как бы добавлением к нему.

Соотношение между потребляемым количеством мяса и молочных продуктов зависит от сезона хозяйственного года, который в силу климатических условий Центральной Азии делится на зимний (ноябрь – апрель) и летний (май – октябрь). В зимний сезон потребляется прежде всего мясо домашнего скота, а также различные виды мучных блюд и продуктов земледелия. В летнем рационе первое место отводится молочным продуктам, второе – мучным изделиям. Однако мясо в этот сезон не исключается.

Тувинцы, как и другие кочевые народы, делят скот на две группы – с горячим дыханием (овцы, лошади) и с холодным дыханием (козы, крупный рогатый скот, сарлыки). Наибольшей популярностью обладает баранина, на втором месте говядина, затем козлятина. Конина употребляется крайне редко, лишь тогда, когда никакого другого мяса нет.

Мясо в основном едят в вареном виде. Большие куски мяса опускаются в подсоленную кипящую воду. Долго варить мясо не принято, так как считается, что при длительной термической обработке все полезные вещества и микроэлементы в нем утрачиваются. Вареное мясо разрезается на мелкие куски, их едят просто так, иногда с диким луком или запивают крепким бульоном. В бульон добавляют макаронные изделия, или крупу, или картофель. В качестве приправы используется дикорастущий лук. В летнее время мясо также сушат и коптят и используют в качестве *хунезин* – провизии.

Тувинцы также издавна знакомы с традицией употребления в пищу крови животных. В этом отношении они отличаются от своих соседей-мусульман, в частности казахов, которые никогда этого не делают из соображения, что в кровь животных в момент их убоя происходит выброс огромного количества ядовитых веществ, вредных для человеческого организма. Для тувинцев же, напротив, блюда из крови животных являются по меньшей мере деликатесом. Кровь забитого барана они сливают в отдельную посуду и используют преимущественно для приготовления кровяных колбас. Колбаса может быть нескольких видов: чисто кровяной, начиненной помимо крови мелко нарезанным салом или внутренностями с добавлением дикого лука и соли.

Обращает на себя внимание тот факт, что иногда тувинцы, в основном китайские, употребляют в пищу мясо домашней птицы, разведение которой не очень характерно для хозяйства скотоводческих народов. Птицу, как правило, держат только очень зажиточные люди. Мясо ее, хотя

и не воспринимается как существенная еда, тем не менее, вносит некоторое разнообразие в мясное меню мончаков. Китайские тувинцы также отдают предпочтение куриным яйцам. Из них готовят яичницу с мясом и к ней добавляют немного зелени. Это наиболее часто употребляемое блюдо в их домах, но оно подается только в качестве легкой закуски к основной еде.

Особой популярностью пользуются блюда, представляющие собой сочетание мяса и муки. Это суп с мясом и лапшой (*узкен быдаа*), пельмени паровые (*боозы*) и обычные (*манчы*), беляши (*хуужууры*), фарш с тестом (*тырткан*) и т. д. Следует подчеркнуть, что мука – постоянный продукт в рационе, восполняющий потребность организма в крахмале.

Наиболее распространенными мучными изделиями являются *боорзаки* — кусочки теста, зажаренные в кипящем масле, и лепешки, представляющие собой самостоятельное кушанье. Они всегда имеются в каждом доме и заменяют хлеб. Интересный факт сообщили наши цэнгэльскийкие информанты. В конце 1980-х годов в их сумоне была открыта небольшая пекарня, где выпекали хлеб по современной технологии. Но эта продукция не пользовалась спросом у местного населения, привыкшего довольствоваться традиционными боорзаками и лепешками, поэтому пекарню вскоре закрыли.

Другими излюбленными блюдами из продуктов земледелия являются *чинге тараа* и ранее упомянутый *соктаан далган* (толченый ячмень). Перед употреблением их непременно заправляют молочными продуктами.

Роль молочных продуктов, так же, как мясных, очень велика в рационе зарубежных тувинцев. Они тысячелетиями вырабатывали различные способы приготовления продуктов из молока: сыра (*быштак*), масла (*саржаг*), сливок (*ореме*), кумыса (*хымыс*), кефира (*тарак*), простокваши (*хойтпак*), сушеного творога твердой (*курут*) и рассыпчатой (*ааржы*) консистенции и др. Технология получения молочных продуктов абсолютно такая же, как у российских тувинцев. При этом, как принято у скотоводческих народов, используются простые приспособления.

Молочные продукты обычно делятся на скоропортящиеся и долгохранящиеся. К скоропортящимся относятся сливки, пресный сыр, простокваша, кефир, молоко, а топленое масло и сушеный творог можно хранить достаточно долго. Сушеный творог часто выполняет функцию «стратегического продукта» для человека, долгое время находящегося в пути. Небольшой мешочек с *курутом* или *ааржы* весом 1-3 кг позволяет ему более месяца обходиться без другой пищи, сохраняя при этом бодрость духа (Даржа 2003:143).

Особо следует подчеркнуть роль содержащих алкоголь напитков молочного происхождения. Тувинцам издавна, как и другим кочевникам, было известно алкогольное брожение молока, например, приготовление кумыса и кефира крепостью до 2-3 градусов. Однако особой популярностью у них пользуется молочная водка — *арага* (монг. *архи*, каз. *арак*), которую гонят из кислого молока. Технология перегонки кислого молока в водку практически ничем не отличается от монгольской.

Молочная водка — неперенный компонент застолья во время приема гостей, семейных торжеств и важнейших событий жизненного цикла. Крепость ее в зависимости от степени перегонки и качества очистки варьируется от 11 до 44 градусов. Хранят *арагу* обычно в *когээржике*, кожаном бурдюке (емкостью 5-10 литров), в котором напиток даже в жаркое время остается прохладным (там же:95).

В повседневной жизни основным напитком во все времена был и остается незаменимый зеленый чай с молоком, который по способу приготовления имеет несколько локальных вариантов. Например, в чай, помимо молока, добавляют либо соль, либо масло; иногда то и другое вместе. Тувинцы больше предпочитают пить соленый чай, а казахи и монголы — с маслом. Иногда для большей калорийности в чай добавляют курдючное сало, мелко нарезанные кусочки мяса, боорзаки. К нему также подают изделия домашней выпечки и разные виды сушеного творога.

Чай, который уже несколько веков пьют тувинцы и их соседи, проник к ним из Китая в конце XIУ – начале ХУП в., о чем свидетельствуют источники, в которых говорится, что кочевники в обмен на скот желают среди прочих продуктов (зерно, шелк, табак и т.д.) получать еще и чай (Установление о соли 1975:146-147). Это был кирпичный чай грубого помола, в котором в равной пропорции перемешаны листья и ветви чайного куста. «Кирпичным» его называют потому, что чайную массу прессовали в двухкилограммовые кирпичи и в таком виде экспортировали в соседние страны, населенные кочевыми народами (Жуковская 2002:93). Кирпичный зеленый чай с тех пор прочно вошел в ассортимент традиционных напитков кочевников Азии.

Традиционная система питания дополняется очень небольшим количеством продуктов растительного происхождения, иногда охоты, рыбной ловли и собирательства, которые имеются не всегда и далеко не у всех групп населения.

Благодаря тому, что система питания у тувинцев построена на строгом биохимическом балансе мяса и молочных продуктов, она достаточно жизнестойка, обеспечивает высокую калорийность питания и сбалансирована по соотношению в ней трех основных элементов

биосинтеза: белков, жиров и углеводов, хотя, конечно, несколько уступает по составу и содержанию витаминов системе питания оседлых земледельческих народов.

В системе питания у монгольских и китайских тувинцев помимо ее исконной мясо-молочной основы присутствуют также заимствованные элементы: овощи, зелень, грибы, мед и некоторые другие. Эти инновации появились в ходе исторических контактов тувинцев с проживающими по соседству носителями развитой земледельческой культуры. Благодаря последним в пищевом рационе бывших скотоводов-кочевников появились такие продукты, как картофель, капуста, лук, репа, морковь, которые обеспечивают поступление в организм человека витаминов и минеральных веществ.

Земледельческие народы в свою очередь переняли от скотоводов способы приготовления, консервирования, хранения и потребления мясных и молочных продуктов, что значительно обогатило их пищевой рацион животными жирами, белками и углеводами. В проблеме подобных межкультурных контактов исследователи выделяют два основных круга вопросов: 1) взаимовлияние моделей питания народов, живущих в сходных экологических условиях и имеющих одинаковые хозяйственно-культурные типы, в данном случае это тувинцы, казахи и монголы; при наличии заимствований частного порядка в целом такой контакт ни к каким существенным изменениям в моделях питания не ведет; 2) взаимовлияние моделей питания народов, принадлежащих к разному типу культур с разными типами хозяйства, в данном случае – кочевых скотоводов тувинцев и оседлых земледельцев – уйгуров, китайцев и частично русских; в последнем случае можно говорить об обоюдной результативности такого контакта (Жуковская 2002:98).

В целом современная кухня тувинцев Монголии и Китая сохранила в своей основе веками складывавшуюся систему питания, базирующуюся на сочетании продуктов скотоводства и земледелия. Будучи наиболее устойчивым элементом материальной культуры, пища тувинцев в определенном смысле имеет и этномаркирующее значение и, таким образом, непосредственно связана с этническим самосознанием народа.

Во время полевых исследований мы неоднократно оказывались участниками совместных трапез, что давало возможность наблюдать и отмечать некоторые детали, которые, с нашей точки зрения, носят не столько этнический, сколько региональный характер. Например, обращает на себя внимание способ, которым китайские тувинцы режут барана. Перед тем, как сделать это, несколько взрослых мужчин вслух читают краткую молитву, смысл которой заключается в испрашивании у духов

Природы разрешения на умерщвление животного. Затем самый опытный в таких делах мужчина кладет живого барана на землю, склоняет его голову над большим тазом и одним решительным движением перерезает животному горло и пускает кровь. Этот способ, по признанию самих тувинцев, был позаимствован ими у казахов. Он иногда применяется и монгольскими тувинцами. В то же время монгольским и китайским тувинцам хорошо известен традиционный способ бескровного умерщвления животного, но они к нему прибегают только во время обряда освещения оваа (*оваа дагылгазы*), сакральный характер которого не позволяет совершать кровавые жертвоприношения.

В качестве столовых приборов монгольские тувинцы используют европеизированные наборы ложек и вилок, а китайские — палочки для еды (*сапык*). Однако для гостей, не умеющих пользоваться палочками, у последних всегда в доме имеются стандартные столовые приборы.

Другой интересный момент – ритуал, предшествующий приему пищи, когда один из старших, обычно седовласый старец, зачитывает текст благодарственной молитвы, которая преимущественно звучит на казахском языке, реже — на монгольском. Все присутствующие негромко вторят ему, держа перед собой руки ладонями вверх, как это обычно принято у мусульманских народов во время намаза. Только после этого приступают к принятию пищи.

Примечательно еще и то, что во время совместных трапез молодые люди не имеют права садиться и подниматься из-за стола раньше старших. Порядок начала и завершения трапезы диктуется исключительно старшими.

Все перечисленные детали характерны не столько для тувинцев, сколько для всех народов центрально-азиатского региона, поэтому можно утверждать, что в повседневных ситуациях, связанных с принятием пищи, одновременно сосуществуют как исконно традиционные черты (способы приготовления и подачи национальных блюд), так и черты, присущие всему данному историко-этнографическому региону. В данном случае пищу зарубежных тувинцев, видимо, следует рассматривать не просто и не только как часть их материальной культуры, но и культуры в целом – как совокупности всех форм адаптации человека к природе, что дает возможность выделить ее в самостоятельную категорию.

Жилище

Народное жилище любого географического района, будь то за Полярным кругом или в тропиках, в горах или степи, приспособлено к условиям природы и климата (Воронина 1982:48). Жилище и тесно

связанные с ним хозяйственные и бытовые постройки представляют собой один из главных элементов материальной культуры. Они создаются людьми в процессе коллективного труда, преобразования окружающей естественно-географической среды и активной адаптации к ней (Типы традиционного сельского жилища 1979:5).

По своим типологическим характеристикам жилище зарубежных тувинцев относится к жилищу народов Центрально-азиатского историко-этнографического региона, включающего Монголию, Внутреннюю Монголию, большую часть Ганьсу, Цинхай, Тибет и Синьцзян. Для народов этого региона наиболее характерны различные виды исторически сложившегося разборно-переносного жилища, а также стационарные постройки, при возведении которых используются самые различные материалы.

Традиционным видом жилища у тувинцев является войлочная юрта. Наряду с юртой был известен и чум (*чадыр*). Остовом ему служили очищенные от коры ивовые жерди. Покрывали его корой лиственницы, шкурами домашних коз или войлоком. В прошлом в чумах жили бедняки или молодожены в первое время до переселения в новую юрту (Вайнштейн, Таубе 1984:236). Ныне чум почти полностью вышел из употребления; изредка он встречается у хубсугульских тувинцев-оленоводов, для которых этот вид жилища является традиционным.

В начале XIX в. распространение получили бревенчатые и глинобитные дома. В настоящее время функционируют два вида жилища: традиционная войлочная юрта и дом, который в зависимости от конкретных условий бывает либо деревянным, либо глиняным. В Кобдоском аймаке, где основным строительным материалом служит глина, все дома глинобитные, в то время как в местах проживания других этнолокальных групп преобладает лес и, следовательно, дома там строятся из дерева, преимущественно из лиственницы. Из-за этих различий кобдинские тувинцы отапливают свои дома углем, остальные — дровами. Чтобы обеспечить хорошее отопление в зимнее время, дома обычно строят одно- или двухкомнатными. В редких случаях зажиточные семьи имеют три-четыре комнаты, но в этом случае им приходится ставить дополнительную печь для поддержания равномерного тепла в доме.

Большая часть монгольских тувинцев, особенно чабаны и их семьи, живут в юртах. Сельские жители, как правило, имеют и юрту, и срубный или саманный дом (Маннай-оол 1995:60). В юртах обычно живут в летнее время, в домах — в зимнее. Это удобно еще и потому, что юрта в зимнее время превращается в морозильную камеру, в которых хранят запасы мяса и другие скоропортящиеся продукты, а дом летом — в мини-

гостиницу, где размещают приехавших родственников и гостей.

У китайских тувинцев в стационарных поселениях юрты встречаются крайне редко, но их постоянно можно видеть на чабанских стоянках. Для монгольских и китайских тувинцев юрта до сих пор остается незаменимым и выдержавшим испытание временем видом жилища, прекрасно приспособленным к их образу жизни. Войлочная юрта — довольно древнее жилище, история и генезис которого насчитывают тысячелетия (Графферберг 1948; Вайнштейн 1976, Даржа 2003). О ней написано довольно много и в самых разнообразных аспектах: юрта как один из типов кочевого жилища, включая типологию юрт (Егоров, Жуковская 1979); юрта как основа всей кочевой архитектуры (Даажав 1975, Пюрвеев 1975); юрта как семейная и хозяйственная единица (Humphrey 1974) и, наконец, юрта как модель вселенной в представлении кочевников (Wasilewski 1976; Leroi-Gourhan 1965; Цивьян 1978; Байбурин 1983; Жуковская 2002, с.14-25). Конструкция юрты и ее архитектура являются важнейшим культурным достижением кочевников Евразии, создавших свою особую кочевую цивилизацию. В этом смысле тувинскую юрту правомерно рассматривать как неотъемлемую часть единой культуры кочевых народов.

В этнографической науке принято выделять два типа юрты — тюркскую с изогнутыми палками остова крыши и монгольскую с прямыми. Хотя юрта тувинцев Монголии по всем своим внешним параметрам относится к монгольскому типу, как, впрочем, и юрта тувинцев России, исследователи все же находят в ней некоторые специфические черты. С. Вайнштейн и Э. Таубе, например, отмечают, что у тувинцев юрта дверью ориентирована на восток, а у монголов — на юг. При этом тувинская юрта обычно меньше и ниже монгольской (1984:236). Юрта же китайских тувинцев относится к тюркскому типу; она выглядит наподобие казахской, но при этом не всегда ориентирована на восток.

Известно, что ориентировка жилища у кочевников Евразии является одним из существенных этнических признаков. Из письменных источников следует, что традиция ориентировки жилища на восток связана с хунну и тюрками, на юг — с монголами (Бичурин 1950:50). Так, в мифологии древних тюрков отчетливо прослеживается почитание восходящего солнца, что нашло отражение в обычае располагать вход в ставку кагана на востоке, а также в их многочисленных культово-погребальных комплексах, обращенных «лицом» к востоку (Бартольд 1966:36). К традиции восточной ориентировки восходит и порядок расположения в юрте женской (северной) и мужской (южной) половин.

Однако известны случаи изменения традиции в ориентации жилища,

что, по мнению ученых, связано с этническими процессами в тюрко-монгольской среде. Исследования С.И.Вайнштейна показали, что преобладающая ориентировка юрт в западных районах Тувы на восток, а в центральных, восточных и южных – на юг и юго-восток (1991:36). Подобное наблюдал и венгерский этнограф А.Рона-Таш у казахов Монголии, у которых «дверь юрты обращена на юг» (1964:147). В этих случаях можно определенно видеть влияние монгольской традиции на культуру тюркских народов.

К сожалению, мы не располагаем подробными данными о различиях во внутреннем убранстве юрты у монгольских и китайских тувинцев, но с уверенностью можем сказать, что для любой юрты характерны целесообразность, гармония, интегрированность на едином жилом пространстве таких функционально важных для семьи мест, как спальня, кухня, столовая, кладовая и т.п. (Дьяконова 1995:27). С этим жилым пространством также тесно связаны многие, освященные веками, традиции народа. Отношение к нему, его использование, место в нем каждого члена семьи и гостей в зависимости от их пола, возраста и социального статуса, равно как и размещение отдельных предметов домашнего обихода и культа, достаточно строго регламентировано. Эти сложившиеся традиции регулируют отношения людей и культовую практику в жилище, делают единообразным его интерьер, отражая в организации пространства не только выработанную веками хозяйственную целесообразность, но и в определенной мере социальную структуру общества и сакральные представления. Напротив двери в юрте расположено почетное, сакральное место — *дор*, где стоят ярко расписанные или украшенные серебром сундуки (*антара*), в которых хранятся одежда, меха и другие ценности. Там, «наверху», сидят обычно старшие члены семьи, в первую очередь, мужчины и самые почетные гости. Справа от почетного места находится мужская половина. Здесь хранятся седла и сбруя, оружие и силки, а в непогоду здесь же располагаются только что родившиеся ягнята и телята. На правой стороне у самой двери, часто находится сшитый из окуренной кожи мешок — *когээр*, в котором сквашивается ячье, овечье и козье молоко.

Слева от почетного места, ближе к двери, размещается шкаф с посудой и пищей, на жердях решетчатых стен развешаны куски мяса. На этой стороне стоит кровать (раньше деревянная, сейчас — металлическая). Эта сторона юрты считается женской.

В центре, под дымовым отверстием, находится очаг – семантический центр юрты, который выступает как точка отсчета при организации ее пространства и место, вокруг которого протекает вся жизнь семьи. Очаг

также – связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений. Раньше эта идея передавалась с помощью весьма материальных предметов, а именно трех камней, которые возили с собой при перекочевках (Жуковская 2002:18). Позже, вплоть до середины XX в., над камнями стоял еще и железный таган. На его четырех подпорках помещался котел. Впоследствии в обиход вошли закрытые железные печи, значительно уменьшившие опасность пожара (Таубе 1994:12).

В юртах зарубежных тувинцев часто можно увидеть на полу казахские цветные войлочные ковры, а также занавески с цветной вышивкой казахской работы (Монгуш 1997:26).

Во второй половине XX в., особенно у монгольских тувинцев, заметно выросло число общественных зданий, чаще всего построенных из глиняных кирпичей и покрытых штукатуркой. К началу 1980-х годов, по наблюдениям Э. Таубе, картина еще более изменилась: участки оседлых жилищ — ансамбль из юрты и бревенчатого дома, иногда с хозяйственными постройками — были уже обнесены заборами; кирпичных домов, в том числе трехэтажных, стало гораздо больше (1994:11). По сообщениям наших информантов, в конце 1990-х годов в Баян-Улэгэйском аймаке было освоено строительство блочных домов; блоки изготавливаются из смеси глины и пепла, что, по утверждению местных жителей, является не менее экологичным и долговечным строительным материалом, чем дерево.

Жилой комплекс у китайских тувинцев также состоит из основного дома, как правило, незамысловатого по своей архитектуре, и небольшого низенького сооружения четырехугольной формы, т.е. так называемой хозяйственной пристройки. Внешне этот объект выглядит малопривлекательно: крыша засыпана землей, на ней растут травы-сорняки, окна как таковые отсутствуют, вместо них - одна-две небольших проема. Зато роль этого небольшого пространства в жизни семьи достаточно существенна. Оно служит основным местом приготовления пищи, поэтому обычно в правом от входа углу находится большая печь. В течение дня на этом пространстве неоднократно собираются все члены семьи для совместной трапезы.

В некоторых случаях жилой комплекс дополняется такими хозяйственными постройками, как кладовая, навес, закрытые или открытые скотные дворы (*кажаа*), помещение для хранения сена, дров и т.д. По размерам и качеству дополнительных хозяйственных построек можно судить о материальном благосостоянии семьи.

Отдельно следует сказать об интерьере жилых домов, в котором присутствуют как общие для монгольских и китайских тувинцев черты,

так и специфические. И те и другие до сих пор используют традиционную мебель ручной работы (всевозможные сундуки, невысокие столы, шкафы, кушетки). Наряду с нею в быт входит передвижная мебель фабричного производства. В большей степени это характерно для тувинцев Монголии; в последнее десятилетие они активно обзаводятся наборами корпусной мебели, обладание которыми стало элементом престижа.

Все дома тувинцев радиофицированы. Телефонной связью преимущественно обеспечены монгольские тувинцы. Что касается технической оснащенности, то и здесь положение у монгольских тувинцев значительно лучше. Практически каждая семья имеет телевизор, у зажиточных он обычно цветной, у малоимущих — черно-белый. Постепенно распространение получают магнитофоны, фотоаппараты, видеоприставки, видеокамеры, холодильники, стиральные машины, пылесосы и другие электробытовые приборы. Чтобы приобрести такие товары, тувинцы специально ездят в большие города, так как к ним их пока не завозят. Думается, что в скором времени положение изменится — монгольский рынок начал осваивать отдаленные уголки страны. Интернет и мобильная связь также начинают активно входить в жизнь монгольских тувинцев.

В отличие от них дома тувинцев Китая практически не имеют технической оснащенности. Только в Ак-Хаба, в доме местного начальника Солонго Шингила, мы видели цветной японский телевизор, видео- и аудиомангнитофоны, фотоаппарат и видеокамеру. Хозяин также имел движок, которым пользовался в летнее время, когда местную электростанцию из-за ее малой мощности временно отключают. Более зажиточного человека, чем Солонго Шингил, мы в этих краях не встречали; его уровень жизни — исключение из общего правила. Однако японский исследователь М.Тодорики, посетивший китайских тувинцев в 2007 году, отмечает, что в Ак-Хаба и Ханасе уже появились компьютеры, но не в частных домах, а в государственных учреждениях. Некоторые из кок-моначаков даже дали ему свои электронные адреса, что свидетельствует о том, что они пользуются Интернетом. Мобильная связь также получает распространение, но ею пока пользуются преимущественно руководящие работники. М.Тодорики также обращает внимание на участвовавшие за последние пять лет визиты китайских туристов в этот регион страны. Он считает, что это в будущем может сильно повлиять на уровень и образ жизни кок-мончаков, до этого находившихся в относительной изоляции и не испытывавших столь сильного влияния со стороны титульной нации (см. Todoriki 2009).

Возвращаясь к интерьеру домов, следует отметить, что у китайских

тувинцев, в отличие от монгольских, существуют некоторые требования к нему, которые условно можно назвать «казахским стандартом». Например, у них считается, что каждая уважающая себя семья должна иметь несколько одеял. По традиции, их аккуратно складывают в углу самой большой комнаты, где принимают гостей. Количество одеял указывает на социальное положение владельца: чем больше их, тем больше он может принять гостей, предоставив им ночлег в своем доме. У китайских тувинцев также принято украшать стены домов ковровыми изделиями. Если таковых не имеется, то вешают большие цветные картины, календари или плакаты. Очень часто у них висит портрет Мао Цзедуна, которого почитают как Великого Учителя и отца всех народов Китая. Причем столь почтительное отношение к своему покойному вождю вовсе не наигранно - люди его любят вполне искренне.

Для сравнения отметим, что характерной деталью интерьера у тувинцев Монголии является висящая на стене либо установленная на высоком комодке небольшая застекленная рама с фотографиями всех членов семьи и ближайших родственников. Этим они очень похожи на российских тувинцев, особенно живущих в сельской местности.

В целом в интерьере тувинских домов влияние казахской культуры присутствует в большей степени, нежели монгольской. Наиболее ярко это проявляется у этнолокальных групп в Баян-Улэгэйском и Кобдоском аймаках, а также Сынцзяна. У хубсугульских тувинцев, напротив, значительно сильнее ощущается влияние монгольской культуры.

Вместе с тем во всем жилищном комплексе зарубежных тувинцев, включая внутреннее убранство и интерьер, хозяйственные и бытовые постройки, легко обнаруживаются отдельные черты, объединяющие их с тувинцами Российской Федерации, что, в свою очередь, позволяет говорить о наличии единого этнокультурного пласта на территориях трех государств.

Одежда

Одежда на протяжении многих веков объединяла людей одной этнической общности, противопоставляя их всем остальным. Как любое явление материальной культуры, такое противостояние играло существенную роль в сохранении и упрочении этнического самосознания (Поршнева 1974:4). Одежда также указывала на этническую, половую, возрастную принадлежность и социальное положение человека (Гаген-Торн 1933:122). Одежда - замечательный пример того, как люди наряду с использованием этой части материальной культуры создают свой собственный образ через неповторимые комбинации материалов, покроя,

украшения. Эти элементы культуры могут сообщить многое о происхождении народа и его идентичности.

Традиционная одежда прежде всего отражает эстетические идеалы народа, которые складываются в зависимости от конкретных естественно-географических, природно-климатических условий и исторических причин. В то же время распространены случаи, когда в результате влияния политических или религиозных факторов конкретная нация заимствовала отдельные детали традиционной одежды или весь комплекс целиком у соседних народов. Тувинская национальная одежда в этом отношении не является исключением.

В одежде тувинцев Монголии и Китая прослеживается довольно четкая тенденция к смене национальных особенностей региональными, т.е. характерными для целого историко-этнографического и вместе с тем природно-хозяйственного региона. Таким образом, их национальный костюм сформировался на основе переработки традиционных форм и большей частью представляет собой сочетание традиционных и региональных черт. В этом случае, как нам кажется, тувинская национальная одежда выступает не столько как знаковая система или символ самовыделения народа, сколько как показатель степени приспособления тувинцев к конкретной этнической и историко-культурной среде. Длительное проживание бок о бок с другими народами, безусловно, оказало существенное влияние на их одежду. О большой схожести одежды тувинцев с одеждой других народов Синьцзяна неоднократно упоминает Л.А.Чвырь (1990:193-194).

Несмотря на наличие иноэтнических влияний, традиционный костюм монгольских и китайских тувинцев при большом их сходстве и некоторых отличиях все же был и остается внешней формой выражения их этнического самосознания, стойким этническим определителем, помогающим отличать «своих» от «чужих», соплеменников от иноплеменников, сородичей от чужеродцев.

Система выкройки тувинского халата из ткани предельно проста, экономна, целесообразна, отличается продуманностью и отсутствием лишних деталей. Длина халата как у мужчин, так у женщин, как правило, до щиколотки. Халат подпоясывают мягким матерчатым поясом. Мужчины в качестве непременных принадлежностей традиционного мужского костюма носят нож в ножнах, огниво и камень. Обязательным дополнением к традиционному халату является головной убор: кепка или шляпа для мужчин, платок для женщин. В холодное время все носят теплые меховые шапки.

Покрой, манера ношения одежды, характер отделки, как заметили

наши информанты, придают каждой этнолокальной группе тувинцев своеобразие и неповторимость, выделяя их среди других.

Тувинцы дают довольно высокую оценку своему традиционному халату. Он, по их мнению, прекрасно приспособлен к выполнению основной утилитарной функции: прост, удобен, хорошо защищает тело от резких перепадов температуры, ветра и насекомых. Он также четко отражает эстетический идеал и представление тувинцев о красоте.

Однако за последние 30-50 лет традиционная одежда тувинцев претерпела значительные изменения. Преобладающим типом ее стала обычная современная одежда. Подавляющее большинство наших информантов не видят в своей одежде каких-либо существенных отличий от одежды окружающих их народов. В повседневном быту они носят универсальную одежду городского типа: брюки, куртки, пиджаки, юбки, платья, кофты, свитера, кроссовки, туфли, сапоги и т.д. Многие мужчины в Синьцзяне, занимающие руководящие посты, носят своеобразную униформу – синие брюки и китель с накладными карманами, которые были популярны в 1950-х годах (Тенишев 1995:42), но сейчас сохранились только на периферии.

По всей вероятности, процесс нивелировки национально окрашенных черт в одежде и ее унификации с одеждой «общегражданского» стандарта у рассматриваемых групп происходил не сразу, а поэтапно. Подтверждением этому служат свидетельства пожилых людей о том, что еще в первой половине XX в. во многих семьях имелись традиционные народные костюмы, надевавшиеся во время праздников и свадеб. Постепенно они стали заменяться одеждой промышленного производства, в связи с чем, естественно, уменьшилась потребность в самостоятельном изготовлении национальной одежды, но при этом полного отказа от нее не произошло.

Вместе с тем многие тувинцы, как монгольские, так и китайские, до сих пор шьют нательное белье, легкое платье и верхнюю одежду, в том числе для детей.

Процесс стирания национально-специфических черт коснулся и обрядовой одежды. В настоящее время обрядовый костюм как таковой встречается крайне редко, его функции в зависимости от обстоятельств выполняет повседневная одежда с теми или иными отличиями. К таковым относятся определенные тона в одежде, специальные головные уборы, обязательное наличие каких-либо деталей и т.п. Чрезвычайно интересно здесь то, что срабатывает механизм переноса знаковых функций с одного этнически окрашенного семиотического комплекса (традиционная одежда, ее состав, орнамент, традиционные украшения) на другой, интерэтнический (повседневная одежда, ее состав, цвет, наличие особых деталей).

Тувинцы также перестали широко использовать традиционные народные украшения, заменяя их покупными ювелирными изделиями массового производства.

В целом для одежды монгольских и китайских тувинцев характерно, с одной стороны, бытование ее современной формы, которая обычно встречается у жителей стационарных поселений, с другой – национальной, присущей в основном чабанам, ведущим традиционный кочевой образ жизни.

* * *

Таким образом, традиционная материальная культура зарубежных тувинцев представляет собой феномен, характеризующийся: 1) наличием общих черт, характерных как для монгольских, так и для китайских тувинцев; 2) приспособлением материальной культуры как жизнеобеспечивающей системы к местным природно-климатическим условиям; 3) заимствованием некоторых элементов материальной культуры окружающего нетувинского населения; 4) утратой отдельных этнически маркирующих элементов, особенно в одежде.

Хозяйство тувинцев по-прежнему включает в себя достаточно развитое животноводство в сочетании с земледелием. В значительной степени традиционные черты прослеживаются и в домашнем хозяйстве, при этом домашние промыслы (особенно охота и собирательство) и связанные с ними трудовые навыки до сих пор не утеряны.

Основная тенденция этнокультурных процессов - нивелировка этнически значимых черт в материальной культуре и ее унификация с вненациональными формами культуры. Традиционные национальные черты более всего сохраняются в жилище и пище.

В современной, так же, как и в традиционной, материальной культуре тувинцев Монголии и Китая продолжает отчетливо наблюдаться этнолокальная специфика, сложившаяся в результате активного культурообмена тувинцев с местным монгольским, казахским и частично китайским населением. Это проявилось в формировании единого культурного комплекса у тувинских этнолокальных групп, в многочисленных культурных заимствованиях, нашедших свое отражение в жилище и системе питания зарубежных тувинцев.

4. Процессы в духовной культуре

Познание хода и внутренней логики процессов, происходящих в этническом образовании, невозможно без анализа состояния его духовной культуры. Это особенно важно, когда этническая специфика из сферы